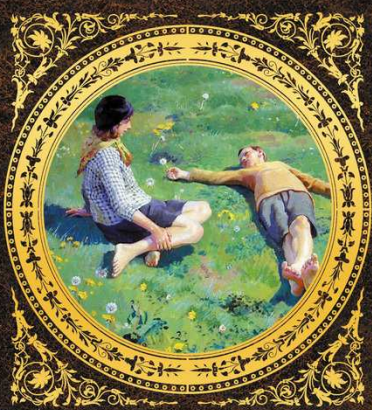

Роберт
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Вся жизнь впереди...

Роберт Иванович Рождественский Вся жизнь впереди... (сборник)

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6725160
Вся жизнь впереди... / Роберт Рождественский: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69826-4*

Аннотация

Роберт Рождественский среди шестидесятников «всегда выделялся несдвигаемой верностью однажды принятым ценностям», по словам Л. А. Анненского. Для поэта Рождественского не существовало преград, он всегда осваивал целую Вселенную, со всей планетой был на «ты», оставаясь при этом мастером, которому помимо словесного точного удара было свойственно органичное стиховое дыхание. В сердцах людей память о Р. Рождественском навсегда будет связана с его пронзительными по чистоте и высоте чувства стихами о любви, не случайно ведь и в поэзию он ворвался поэмой «Моя любовь».

Содержание

Стихотворения	6
Из сборника «Испытание» (1956)	6
Утро	6
«Слова бывают грустными...»	8
О разлуке	8
«Приходить к тебе, чтоб снова...»	10
Без тебя	10
Из сборника «Дрейфующий проспект» (1959)	12
Нелетная погода	12
Ушел самолет	14
Ровесникам	15
Из сборника «Необитаемые острова» (1962)	17
Необитаемые острова	17
Творчество	18
Богини	20
«Будь, пожалуйста, послабее...»	21
Ливень	22
В сорок четвертом	24
Реквием (Из поэмы)	25
Из сборника «Ровеснику» (1962)	32
«– Почем фунт лиха?...»	32
Концерт	33
Слышишь?!	35
«Невероятное спасибо, дюны!..»	36
«Я родился – нескладным и длинным»	37
Друг	38
Снег	40
Солнце	41
Из сборника «Избранная лирика» (1964)	43
«За тобой через года...»	43
Дочке	44
Из сборника «Радиус действия» (1965)	48
Радиус действия	48
Кочевники	49
«Кем они были в жизни...»	50
«Не ночь, а простосорок минут сумерек...»	52
Ремонт часов	54
Планета друзей	55
Переезжает роща	56
Ночью	57
Третий лишний	59
Базар того года	61
Письмо про дождь	63
«Письмо в ХХХ век» (Из поэмы)	64
Из сборника «Сын Веры» (1966)	67
Стихи о хане Батые	67

Другу, которому я не успел написать стихов	68
«Говорила мама...»	69
«Мне уже в который раз...»	71
«Приходит врач, на воробья похожий...»	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Роберт Рождественский

Вся жизнь впереди... (сборник)

© Киреева А.Б., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Стихотворения

Из сборника «Испытание» (1956)

Утро

Владимиру Соколову

Есть граница между ночью и утром,
между тьмою
и зыбким рассветом,
между призрачной тишью
и мудрым
ветром...
Вот осинový лист трясется,
до прожилок за ночь промокнув.
Ждет,
когда появится солнце...
В доме стали заметней окна.
Спит,
раскинув улицы,
город,
все в нем —
от проводов антенных
до замков,
до афиш на стенах, —
все полно ожиданием:
скоро,
скоро!
скоро!! —
вы слышите? —
скоро
птицы грянут звонким обвалом,
растворятся,
сгинут туманы...
Темнота заползает
в подвалы,
в подворотни,
в пустые карманы,
наклоняется над часами,
смотрит выцветшими глазами
(ей уже не поможет это), —
и она говорит голосами
тех,
кто не переносит

света.
Говорит спокойно вначале,
а потом клопоча от гнева:
– Люди!
Что ж это,
ведь при мне вы
тоже кое-что
различали.
Шли,
с моею правдой не ссорясь,
хоть и медленно,
да осторожно...
Я темней становилась нарочно,
чтобы вас не мучила совесть,
чтобы вы не видели грязи,
чтобы вы себя
не корили...
Разве было плохо вам?
Разве
вы об этом тогда
говорили?
Разве вы тогда понимали
в беспокойных красках рассвета?
Вы за солнце
луну принимали.
Разве я
виновата в этом?
Ночь, молчи!
Все равно не перекричать
разрастающейся в полнеба зари.
Замолчи!
Будет утро тебе отвечать.
Будет утро с тобой говорить.
Ты себя оставь
для своих льстецов,
а с такими советами к нам
не лезь —
человек погибает в конце концов,
если он скрывает
свою болезнь.
...Мы хотим оглядеться
и вспомнить теперь
тех,
кто песен своих не допел до утра...
Говоришь,
что грязь не видна при тебе?
Мы хотим ее видеть!
Ты слышишь?
Пора

знать,
в каких притаилась она углах,
в искаженные лица врагов взглянуть,
чтобы руки скрутить им!
Чтоб шеи свернуть!
...Зазвенели будильники на столах.
А за ними
нехотя, как всегда,
коридор наполняется скрипом дверей,
в трубах
с клекотом гулким проснулась вода.
С добрым утром!
Ты спишь еще?
Встань скорей!
Ты сегодня веселое платье надень.
Встань!
Я птицам петь для тебя велю,
Начинается день.
Начинается
день!
Я люблю это время.
Я
жизнь люблю!

«Слова бывают грустными...»

Слова бывают грустными,
слова бывают горькими.
Летят они по проводам
низинами,
пригорками.
В конвертах запечатанных
над шпалами стучат они,
над шпалами,
над кочками:
«Все кончено.
Все
кончено...»

О разлуке

Ты ждешь его теперь,
когда
вернуть его назад
нельзя...

Ты ждешь.
Приходят поезда,
на грязных спинах
принося
следы дорожных передряг,
следы стремительных дождей...
И ты,
наверно, час подряд
толкаешься среди людей.
Зачем его здесь ищешь ты —
в густом водовороте слов,
кошелоков,
ящичков,
узлов,
среди вокзальной суеты,
среди приехавших сюда
счастливых,
плачущих навзрыд?...
Ты ждешь.
Приходят поезда.
Гудя,
приходят поезда...
О нем
никто не говорит.
И вот уже не он,
а ты,
как будто глянув с высоты,
все перебрав в своей душе,
все принимая,
все терпя,
ждешь,
чтобы он простил тебя...
А может,
нет его уже...
Ты слишком поздно поняла,
как
он тебе необходим.
Ты поздно поняла,
что с ним
ты во сто крат сильнее была...
Такая тяжесть на плечах,
что сердце
сплющено в груди,
Вокзал кричит,
дома кричат:
«Найди его!
Найди!
Найди!»
Нет тяжелее ничего,

но ты стерпи,
но ты снеси.
Найди его!
Найди его.
Прощенья у него
проси.

«Приходить к тебе, чтоб снова...»

А. К.

Приходить к тебе,
чтоб снова
просто вслушиваться в голос
и сидеть на стуле, сгорбясь,
и не говорить ни слова.
Приходить,
стучаться в двери,
замирая, ждать ответа...
Если ты узнаешь это,
то, наверно, не согласишься,
то, конечно, захочешь, скажешь:
«Это ж глупо очень...»
Скажешь:
«Тоже мне —
влюбленный!» —
и согласишься удивленно,
и не согласишься на месте.
Будет смех звенеть рекою...
Ну и ладно.
Ну и смейся.
Я люблю тебя
такую.

Без тебя

Хотя б во сне давай увидимся с тобой.
Пусть хоть во сне
твой голос зазвучит...
В окно —
не то дождем,
не то крупой
с утра заладило.
И вот стучит, стучит...
Как ты необходима мне теперь!

Увидеть бы.
Запомнить все подряд...
За стенкою о чем-то говорят.
Не слышу.
Но, наверно, – о тебе!..
Наверное,
Я у тебя в долгу,
любовь, наверно, плохо берегу:
хочу услышать голос —
не могу!
Лицо пытаюсь вспомнить —
не могу!
...Давай увидимся с тобой хотя б во сне!
Ты только скажешь, как ты там.
И все.
И я проснусь.
И легче станет мне...
Наверно, завтра
почта принесет
письмо твое.
А что мне делать с ним?
Ты слышишь?
Ты должна понять меня —
хоть авиа,
хоть самым скоростным,
а все равно пройдет четыре дня.
Четыре дня!
А что за эти дни
случилось —
разве в письмах я прочту?!
Как эхо от грозы, придут они...
Давай увидимся с тобой —
я очень жду —
хотя б во сне!
А то я не стерплю,
в ночь выбегу
без шапки,
без пальто...
Увидимся давай с тобой,
а то...
А то тебя сильнее я люблю.

Из сборника «Дрейфующий проспект» (1959)

Нелетная погода

Нет погоды над Диксоном.
Есть метель.
Ветер есть.
И снег.
А погоды нет.
Нет погоды над Диксоном третий день.
Третий день подряд
мы встречаем рассвет
не в полете,
который нам по душе,
не у солнца,
слепящего яростно,
а в гостинице.
На втором этаже.
Надоевшей.
Осточертевшей уже.
Там, где койки стоят в два яруса.
Там, где тихий борт-штурман Леша
снисходительно,
полулежа,
на гитаре играет,
глядя в окно,
вальс задумчивый
«Домино».
Там, где бродят летчики по этажу,
там, где я тебе это письмо пишу,
там, где без рассуждений
почти с утра, —
за три дня,
наверно, в десятый раз, —
начинается «северная» игра —
преферанс.
Там, где дни друг на друга похожи,
там, где нам
ни о чем не спорится...
Ждем погоды мы.
Ждем в прихожей
Северного полюса.
Третий день
погоды над Диксоном нет.
Третий день.
А кажется:

двадцать лет!
Будто нам эта жизнь двадцать лет подстать,
двадцать лет, как забыли мы слово:
летать!
И обидно.
И некого вроде винить.
Телефон в коридоре опять звонит.
Вновь синоптики,
самым святым клянясь,
обещают на завтра
вылет
для нас.
И опять, как в насмешку,
приходит с утра
завтра,
слишком похожее
на вчера.
Улететь —
дело очень нелегкое,
потому что погода —
нелетная.
...Самолеты охране поручены.
Самолеты к земле прикручены,
будто очень опасные
звери они.
будто вышли уже
из доверья они,
Будто могут
плюнуть они на людей —
на пилотов,
механиков
и радистов.
И туда, где солнце.
Сквозь тучи.
Над Диксоном
третий день погоды нет.
Третий день.
Рисковать приказами запрещено.
Тихий штурман Леша
глядит в окно.
Тихий штурман
наигрывает «Домино».
Улететь нельзя все равно
ни намеренно,
ни случайно,
ни начальникам,
ни отчаянным —
никому.

Ушел самолет

Вам каждый второй расскажет
невыдуманную историю
(об этом
не пишут в газетах,
песен об этом
не слышно),
но я видел сам однажды:
ушел самолет на Викторию.
Ушел самолет, покачиваясь.
Ушел самолет,
и крышка.
Одиннадцать дней радисты
усталых глаз не смыкали.
Обшаривали пилоты
каждый клочок земли.
Людей,
потерпевших бедствие,
одиннадцать дней искали.
А на двенадцатый
утром
радировали:
«Нашли!»
Нашли?
Но тогда скажите,
зачем же, кусая губы,
начальник аэропорта
не смотрит в глаза другим?
Кому эти черные ленты?
Зачем же оркестр из клуба
в притихшем
маленьком зале
негромко играет гимн?..
Упругий морозный воздух
морзянка сечет на части,
земля беспокойно вздрагивает,
известием растревожена.
И сообщают об этом
женам одним
да начальству.
Женам —
так, как приказано.
Начальству —
так, как положено.
А в доме возле Арбата
матери верили снам.

Им снилась немая пустыня
без края и без конца.
Белесый сынишка штурмана
проплакал в тот день допоздна
под огромной картой Арктики
в кабинете отца...
По-прежнему шли самолеты
трассой предельно трудной.
По-прежнему
долгим вьюгам
никто не хотел сдаваться.
И над молчаливыми льдами,
над бесконечной тундрой
висели на ниточках звезды,
готовые
оборваться.

Ровесникам

Артуру Макарову

Знаешь, друг,
мы, наверно, с рожденья
такие...
Сто разлук
нам пророчили
скорую гибель.
Сто смертей
усмехались беззубыми ртами.
Наши мамы
вестей
месяцами от нас ожидали...
Мы
росли —
поколение
рвущихся плавать.
Мы пришли
в этот мир,
чтоб смеяться и плакать,
видеть смерть
и, в открытое море бросаясь,
песни петь,
целовать неприступных красавиц!
Мы пришли
быть,
где необходимо и трудно...
От земли